

повторением уже сказанного.³⁴ Иными словами говоря, применяя купюры, переводчик руководствовался стремлением сделать текст наиболее ясным и удобным для чтения.³⁵ С этим же желанием связан, очевидно, и отказ от сохранения ряда латинских терминов и непривычной для русского читателя географической номенклатуры. И первым, и вторым переводчик стремился подыскать адекватные выражения из обычной для русского языка лексики; так, например, латинское *conchilium* — «моллюск», преимущественно «устрица», и *conchylium mare* — «раковина» он передает русским словом «рак» (л. 21, 27); латинское «gradus» — «градус» передается словом «степень, ступень». Порою при передаче терминов географической номенклатуры переводчик прибегает к описательным приемам: так, тропик Козе-рога он обозначает как «весеннее солнцелетнее възвращение» (л. 18 об.), экватор — как «равнодневное солнцелетнее возвращение» (л. 19 об.); в процессе дальнейшего перевода сложное наименование экватора было заменено на более простое «полудневный пояс» (л. 18). В тех случаях, когда переводчик сохраняет иностранные термины, он дает к ним пояснения, снабжая их словом «рекше», например: «плавание каstellанов, рекше испанских» (л. 18), «подобен ерманом, рекше немцом, съседом нашим» (л. 19 об.), «нижним мисферием, рекше полукругом» (л. 20), «горизонта, рекше краа небеснаго» (л. 21), «канои индеиские, рекши струги» (л. 24 об.) и т. д.; особенно любопытно одно такое пояснение: там, где Трансильван, описывая мускатные орехи, сравнивает их с южноевропейскими и приводит их испанское название, переводчик попросту опускает это сравнение и заменяет его своим — «прилично же есть древу, иже киевския орехи» (л. 28 об.).

Все отмеченные, наиболее характерные особенности перевода свидетельствуют о том, что переводчик предназначал перевод не просто для себя, а для широкого читателя, и стремился сделать для него свою работу как можно более доступной. Но благодаря следованию грамматическому строю латинского текста и трудностям перевода гуманистического стиля, это, как отмечено, ему не всегда удалось. Встречаются в переводе и отдельные ляпсусы: так, во вступительной части письма при описании испанских открытий на западе в Новом свете имеется отсылка — «о сем граде велика и многа и истинна Петр Мученик списана оставил есть, списатель бив о вере вещи красоте слова прилежаишии» (л. 19). «Петр Мученик» — это не какой-то святой мученик, как может показаться при чтении текста перевода, а Пьетро Мартир д'Ангиера, уже упоминавшийся выше официальный историограф испанских открытий в Новом свете; «martir», что по-латински действительно значит «мученик», в данном случае было просто его родовым именем. Несмотря на имеющиеся в переводе недочеты, в целом он может рассматриваться как удачный и отвечающий своему назначению — ознакомить русского читателя с занимательным повествованием об удивительном путешествии и связанных с ним великих открытиях.

Когда же и при каких обстоятельствах попало в Россию и было переведено на русский язык сочинение Максимилиана Трансильвана?

Если верхняя и нижняя грани того отрезка времени, когда это произошло, определяются с достаточной точностью (верхняя грань — 1523 г.,

³⁴ Последнее особенно относится к описанию быта и нравов населения Молуккских островов.

³⁵ Думается, что лишь две купюры — очень сложное и путаное у Максимилиана Трансильвана изложение сущности мусульманской религии и не менее сложное суждение о системе отсчета географических широт (купюры на лл. 21, 27 об.) — были вызваны трудностями для переводчика понимания текста оригинала.